

УДК 347.1(470.61)«18»
ББК 67.3(2)52

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С.Ю. Краснов

В данной статье автор проводит научный анализ вопросов, связанных с обычно-правовым регулированием функционирования органов территориального общественного самоуправления в станицах и хуторах Области войска Донского во второй половине XIX века. Указанные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в исторической и этнологической, ни в историко-правовой науках.

Ключевые слова: *обычное право, донские казаки, органы территориального общественно-го самоуправления.*

В современных условиях возрождения казачества в России, в особенности его традиционных форм территориального общественного самоуправления, большой интерес представляет обычно-правовое регулирование «отношений власти и подчинения» у донских казаков во второй половине XIX века. Без проведения реконструкции этих отношений, на наш взгляд, невозможно понять и правильно оценить роль и значение каждого органа территориального общественного самоуправления в Области войска Донского этого периода.

Сложность проведения данной реконструкции заключается в том, что, являясь по своей природе публичными, эти отношения в наибольшей степени регулировались официальным законодательством, подтверждением чему могут служить, в частности, «Положение об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г., «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» от 13 мая 1870 г. и «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 3 июня 1891 года [13; 14; 15]. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: распространяется ли

раскрытый нами ранее механизм действия норм обычного права на формирование и деятельность органов территориального общественного самоуправления у донских казаков во второй половине XIX в. полностью или только частично, то есть с учетом особенностей природы этих отношений как публично-правовых [11]? Ответом на этот очень сложный вопрос, на наш взгляд, и будет являться реконструкция обычно-правового регулирования функционирования данных органов во второй половине XIX в. в станицах и хуторах Области войска Донского.

Обычно-правовое регулирование формирования органов территориального общественного самоуправления в Области войска Донского во второй половине XIX в. существенно отличалось от регламентации этих процедур в официальном законодательстве (Положения 1835, 1870 и 1891 гг.). Для подтверждения сказанного, прежде всего, следует обратиться к рассмотрению процедуры выборов станичных атаманов:

«Желающих (стать станичными атаманами. — С. К.) много и для достижения своих целей прибегают к интригам, подкупам, составляя себе партию из бедных казаков, которые потом на сборе тянут их сторону. Обыкновенно еще задолго до выборов

они стараются подкупить расположение избирателей ласковым обхождением, приглашением к себе в гости и т. п. К бедным они сами идут в гости, показывая, что желают с ними водить хлеб-соль. Кроме этого, желающий попасть в атаманы подыскивает надежного человека и вручает ему деньги, а последний уже заботится о привлечении посредством угощения возможно больше голосов. Интриги и подкупы ведутся нередко довольно открыто. Так в одной станице перед выборами составилось шесть партий, имевших свои сборные места в шести различных кабаках. Заседания в кабаках происходили под председательством агентов тех казаков, которые желали быть выбранными в атаманы. Эти агенты поручали своим подручным стоять у дверей кабаков и зазывать всякого идущего мимо. Угощение бывает обильное: не жалеют ничего, всякий может требовать что ему угодно: одним подают водку, другим вино (да еще закупоренное). Для закуски пригоняют целых баранов; тут же режут их и жарят» [22, с. 293–294].

На первый взгляд, может сложиться ошибочное мнение о том, что в данном случае речь идет не о нормах обычного права донских казаков, а скорее, о грубых нарушениях процедур избрания станичных атаманов, регулируемых официальным законодательством, которые в указанный период времени почему-то носили массовый характер. Данное мнение полностью опровергается при более глубоком изучении быта донских казаков в разные периоды времени. Проведение сравнительного анализа и детальная реконструкция имеющегося материала о проведении выборов станичного атамана позволяют не только увидеть все многообразие норм обычного права, регулирующих данные отношения, но и в очередной раз подтвердить правильность раскрытого нами ранее механизма действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века. Вариативность норм обычного права, регулирующих выборы станичных атаманов, проявлялась как в способах организации и проведения предвыборных кампаний, установлении сроков выборов, так и в использовании различных процедур и способов голосования, а также подсчета голосов, поданных за того или иного кандидата на должность станичного атамана на станичных сходах.

Например, в XVIII в. в станице Верхне-Курмоярской выборы станичного атамана проходили следующим образом:

«...А потому желающий в атаманы в течение Филипповки запаивал, то есть, при угощении водкою, запрашивал, от чего делались партии по фамилиям и на выборах случались брани и драки за насеку. Обряд выбора атамана: на Богоявление (в прочих станицах выборы бывали в иные дни, как-то: в Есауловской – в четверток на Маслянице), а после перемененно на Новый год, от утрени по закличке собирается станица в станичную избу. Атаман встает, молится Богу, кланяется на все четыре стороны и говорит: простите, атаманы-молодцы, в чем кому согрешил. Станица подает голос: благодарим, Зиновий Михайлович, что потрудился. Он кладет насеку на стол, подложив под нее шапку свою, и садится где-нибудь; но его сажает паки в первое место. Он приказывает есаулу доложить, и когда все замолчат, докладывает сдавший насеку атаман: кому, честная станица, прикажете насеку взять? Вдруг всеми голосами кричат: Софрону Самойловичу, Софрону Самойловичу. Таковых докладов и подачи голосов должно быть три; а когда голоса разделятся, то бывает и больше. И как на Софрона Самойловича больше голосов, то и поручает насеку ему для выбора атамана. Софрон Самойлович, приняв станичную насеку, по докладу есаульскому, возглашает: вот, честная станица Курмоярская! Старый, то есть бывший, атаман год свой отходил, а вам без атамана быть нельзя, так на кого, честная станица, покажете? Одни кричат: Макея Яковлевича! Якова Матвеевича! Третьи особаго, четвертые своего. Надобно иметь быстрый слух, чтобы расслышать, на кого больше крику. Есаул докладывает, и старик вопрошает в другой и третий раз. Ему ответствуется тем же продолжительным громом. Тогда, заключив сам в себе свое мнение, что на Якова Матвеевича голосов больше, вручает ему насеку... Сей, перекрестившись, принимает. Его прикрывают старики собственными шапками в знак поздравления, и он садится к старому атаману в большое место. Потом продолжается сдача насеки есаулу и выбор другого, с доклада нового атамана» [8, с. 18–20].

А вот как проходили выборы станичного атамана в станице Казанской до 1835 года:

В день собрания на майдан собиралось все общество станицы; выходил старый атаман и клал на поставленный среди круга стол насеку (знак своей власти). Кланялся кругу и терялся в толпе. Начались выборы... Если мнения разделялись, то прибегали к большинству голосов. Его узнавали посредством шапок. Кандидатов расставляли врозь, и каждый из граждан бросал свою шапку к тому из них, кого считал более достойным. Шапки потом считали. Или – граждане разделялись на две сторо-

ны и потом каждую сторону считали. Так было в старину... Это называлось избрать “вольными голосами”. С 1835 г. порядок был изменен. Выборы стали происходить по баллотировке и были стеснены вмешательством войсковой и окружной администраций [20].

Приведенные нами примеры еще раз доказывают, что не имеет никакого смысла установление древности применяемых донскими казачьими общинами обычаев, поскольку они санкционировали как различные по времени происхождения, содержанию, направленности действия обычаи, которые после санкционирования становились правовыми. К таким правовым обычаям во второй половине XIX в. у донских казаков можно отнести: заплатавание, деление граждан на партии с выдвижением своего кандидата и др. О том, что санкционированные донскими казачьими общинами обычаи имели общеобязательный правовой характер, может свидетельствовать, в частности, и следующий материал:

«Наш старый атаман, – рассказывает один из станичных жителей, – сначала не набирал партий, думая, что угодил обществу, так его и без всякой подмазки оставят. Но вот в один вечер является в станичное правление один ходок по этим делам, почему-то называемый министром. Войдя в присутствие и отвесив поклон, заговорил тихо: “Позвольте, Ваше благородие, сообщить Вам кое- что по секрету. Видите ли что, Вы ведь не можете остаться опять атаманом: NN и N не на шутку ведь взялись: они поят свои шайки весьма усердно в кабаках; только и говорят: старого атамана долой. Чтобы поправить это дело, не мешает и Вам набрать людей, чтобы они при случае могли за Вас постоять, и если Вы поручите мне это дело, то я чудесно его исполню. Я похожу по всем кабакам и вытащу оттуда некоторых и из них образую свою партию. Только нужны деньги: на первый случай хоть красенькую!” Атаман дал. “Ваше благородие! Да напишите записку кабатчику, чтобы он при случае ведерка два водки отпустил, да не мешало бы написать содержателью гостиницы: может, кому потребуется закусить”. Атаман сделал и это» [22, с. 295].

«Выбор станичного атамана: каждая часть станицы желает дать своего кандидата; было время, когда кандидаты старались заручиться голосами, разъезжали из поселка в поселок, составляли общие гуляния, на которых водка лилась рекою, посулам не было конца и перевес был на стороне более щедрого. Выставленный кандидат от раскольников старается заручиться метрическим свиде-

тельством от единоверческого священника, чтобы не быть отстраненным на выборах» [9].

Хорошо видно, что в одних станицах заплатавание кандидатами на выборную должность станичного атамана своих будущих избирателей происходило в кабаках (станицы. – С. К.) помощниками кандидатов, в других – действовали совершенно иные нормы обычного права, и кандидатам или самим приходилось ездить по хуторам и заплатавать избирателей на местах или же делать это через своих помощников.

В некоторых станицах претенденты на должность станичного атамана рассылали по хуторам подручных магарычить стариков (деньгами и водкой), чтоб за них голосовали [2].

Такое же разнообразие норм обычного права во второй половине XIX в. можно было наблюдать и в период проведения самих выборов станичного атамана:

«Наступает наконец время выборов. Старый атаман слагает свое звание. Место его на сходе заступает кто-нибудь из почтенных станичников и ведет собрание. “Партии” ожесточенно спорят друг с другом, причем иногда доходят до драки: каждый доказывает превосходство своего кандидата пинками» [22, с. 295].

«Вошел есаул и сказал атаману: Ваше благородия, сбор, по стародавнему обычаю, требует насеку, штубы стояла перед сбором. Атаман отдал безмолвно насеку и пошел на сбор вслед за портретом Государа Императора, несомого доверенными из присутствия. Поздоровавшись со сбором и объявив его открытым, атаман прочел приказ окружного атамана о выборе кандидатов и огласил список желающих баллотироваться» [2].

Тоже касалось и способов подачи и подсчета голосов при проведении выборов станичных атаманов на станичных сходах:

«Когда же выберут кандидатов, то нередко бывает трудно заставить станичников баллотировать каждого из них отдельно. “Мы его не хотим”, – кричат казаки противной партии и не подходят к урне, даже для того, чтобы положить черный шар» [22, с. 295].

Особенно много подобных нарушений официального законодательства происходило сразу после введения в действие Положения об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 года:

«Не привыкли к употреблению шаров, часто одни и те же избиратели подходили к урне “разов по пяти” и клали шары на одного и того же кандидата, а иные шары сыпали в урну целыми горстями» [22, с. 295].

Можно предположить, что подобное протестное голосование наблюдалось в тех станицах, где при выборах станичных атаманов станичные сходы санкционировали применение такой традиционной нормы обычного права, как голосование криком. Тем более что указанный способ голосования применялся на станичных сходах при вынесении решений по различным вопросам жизнедеятельности донских казачьих общин в большинстве станиц Области войска Донского. В то же время могли применяться и иные способы высказывания каждым участником станичного схода своего мнения, в основании которых лежали все те же традиционные нормы обычного права, но уже видоизмененные:

«Атаман Воинов в станице Ермаковской умеет руководить сбором, что несмотря на присутствие толпы человек в пятьсот царит тишина и полный порядок. Всякий желающий высказать свое мнение имеет здесь полную возможность, потому что атаман, сделав доклад, предлагает всякому желающему говорить поочередно. Тогда из толпы выделяются поочередно, один за другим, станичники и, подойдя к столу, оборачиваются к толпе и высказывают свое мнение» [там же, с. 293].

«Когда же выберут наконец нового атамана, то “пойдут поздравления, обнимания, угощения – глядишь, весь народ уже и разошелся по кабакам и подписи на приговор собираются с огромным трудом”. Выбранному вручается “насека”. Выбранный старается подобрать себе весь состав станичного правления: помощника, казначея, писаря, а также поселковых атаманов» [там же, с. 295–296].

«По окончании выборов станичники, как водится, покачали и старых и новых должностных лиц, поблагодарив первых за службу, а последних поздравив с должностью» [1].

Возникает еще один интересный вопрос, за чей счет гуляли казаки после окончания выборов станичного атамана: за счет избранного атамана, на станичные деньги, специально выделяемые на эти цели из бюджета станицы («на станичный кошт»), или же станичники и хуторяне разбивались на традиционные

группы (шайки) и пили на деньги, собранные «в складчину». В отсутствие точных данных об этом можно предположить, что и при решении этого вопроса во второй половине XIX в. могли применяться самые разные нормы обычного права, санкционированные донскими казачьими общинами. Подтверждением сказанному может служить, в частности, имеющийся материал по XVIII веку.

Так, в Выписи из приговоро-приходо-расходной денежной книги Середней станицы говорится о том, что «1756 года сентября 19-го дня по выбору станичного атамана войска Донского старшину Козьму Сидорова отнесено в поклон его высокородию пирог – 15 коп.». В Выписи из расходной денежной книги той же Середней станицы записано, что «13 мая 1778 года отнесено к старшине Андрею Сулину при избрании его станичным атаманом бубликов на 10 копеек, вина ренкова два ока по 25 копеек – 50 копеек» [19, с. 143].

В этот же период времени регулярно проходили и братские пиры (братчины), то есть на общественный счет («на станичный кошт») устраивались медоварения. Поводы для общественного медоварения могли быть самые разные: престольный праздник станицы, Масленица, день святого Николая Чудотворца, святых Петра и Павла, выход казаков на службу и их встреча, женитьба казака [12, с. 27].

«И до сих пор (в начале XIX века. – С. К.) в некоторых станицах остались общественные медоваренные котлы. По большим праздникам почетнейших стариков угощали по станичным избам даровым пойлом на станичный кошт» [там же].

Кроме того, встреча и «провожанье» атаманов, хождение к войсковому атаману и атаманше на поклон во время праздников и именин, рождения у них детей, «прощения» (в Прощеный день на Пасху. – С. К.) Войскового атамана и старшин всегда сопровождалось обязательным угощением пряниками, пирогами, водкой, переваренным (кислым) медом, вином, деньгами [19, с. 140–143].

Все вышесказанное и позволяет нам высказать предположение о том, что подобное угощение станичников могло осуществляться «на станичный кошт» и после окончания выборов станичных атаманов.

На основе вышеперечисленных традиционных норм обычного права во второй половине XIX в. выработывались новые нормы обычного права, касающиеся угощения станичников на общественные деньги:

«В торжественные дни, как то: в день Рождества Христова, в светлое Христово Воскресенье, в день Государевых именин, бывает также во многих станицах (Аннинской и др.) “общественное угощение”. Атаман поздравляет станичников и приказывает выставить водку. Есаулец угощает всех казаков, которые подходят по очереди и выпивают по рюмке, атаман же стоит подле и следит, чтобы “кто-нибудь лишней против прочих рюмки не выпил”. В Прощеное воскресенье к вечеру атаман приказывает вынести из правления скамьи и столы в ожидании возвращения казаков с знаменами. Когда все соберутся, атаман угощает станичников водкой; все пируют, поют песни и, “как донской обряд велит”, качают атамана и уважаемых стариков, кидая их “под белые облака”» [22, с. 379–380].

Поскольку станичные сходы в основном собирались в воскресные и праздничные дни, то при выборах станичных атаманов происходил аналогичный процесс выработки новых норм обычного права, как и во всех вышеперечисленных случаях. Убедиться в сказанном можно, если более подробно рассмотреть обычно-правовое регулирование организации и проведения станичных сходов у донских казаков во второй половине XIX века.

В указанный период времени в станицах и хуторах Области войска Донского существовало несколько видов станичных и хуторских сходов:

«На станичных сходах участвуют казаки хозяева самой станицы и всех прилегающих хуторов. Кроме того, бывают малые сборы одной только станицы или одного хутора для решения местных хозяйственных дел, например для распределения общественных работ между общинниками, либо для найма пастуха и прочее.

Наконец в свободное от работ время, обыкновенно в праздники, казаки собираются около станичной избы и толкуют о своих делах, общих и частных. Такие собрания лишены всякого официального характера: “это просто семейный разговор”, но они способствуют сложению такого или иного общественного мнения и в этом смысле имеют значение, когда на очередь поставлены важные общественные вопросы, например об “уравнительном”

разделе земли. Зимой сборы бывают в станичной избе, летом на майдане (перед станичной избой). Для этого в станицах устроены обширные сборные горницы, от «станичного правления» отделенные обыкновенно сенями. Сбор стараются созвать в такое время, когда более или менее все свободны, поэтому обыкновенно бывают сборы по праздникам, и чаще осенью, чем весной, и вообще когда казаки свободнее от работ» [22, с. 287–288].

В старину «станичных сходов было два вида: обыкновенные собрания стариков, почти ежедневно собиравшихся на “майдане” у станичной избы, и экстренные сходы, собираемые станичным атаманом через “есаульца” и отличавшиеся от первых только своим многолюдством. ... Это, конечно, прежде всего объясняется простотою общественной жизни, которая давала мало дел, и тем, что станичный сход в старое время не было нужды собирать и дожидаться его сбора, так как он собирался едва ли не каждый день. В старину у казаков было обыкновение в свободное время, а его было много тогда, собираться на “майдане” (место общественных собраний при станичном правлении). Здесь они ежедневно собирались и за плетением сетей или другою какою-либо работою вели беседы о былых и предстоящих походах, о текущих делах, о событиях дня. В этих ежедневных собраниях участвовали молодые и старые казаки, женщины же никогда не допускались на них. Большая часть дел, возникавших между одностаничниками, разбирались этими ежедневными сходами или собраниями; лишь дела более или менее важные и дела, решением которых оставались не довольны стороны, разбирались полным общественным сходом» [7, с. 110–111].

Официальное законодательство (Положения 1835, 1870 и 1891 гг.) не признавало легитимными никакие другие традиционные для станичников и хуторян виды общественных сходов, кроме одного вида – полного станичного или хуторского схода. Это являлось, по нашему мнению, главной причиной, объясняющей неявку казаков на общественные сходы.

Согласно Положению об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г., станичный сход признавался состоявшимся, если на нем присутствовали станичный атаман или его заместитель и не менее половины лиц, имеющих право голоса, а по Положению об общественном управлении казачьих войск от 3 июня 1891 г., на станичном сборе должно было быть уже не менее двух третей лиц, имеющих право голоса:

«Во всех станицах приходилось слышать жалобы на то, что сходы собираются весьма медленно и трудно, ибо сами казаки идут на них неохотно. Случается, что в течение нескольких месяцев не может составиться станичного схода с законным количеством граждан, имеющих право голоса. Некоторые станичные правления намеренно или уменьшают в отчетах своих количество домохозяев или решают дела с незаконным количеством граждан и потом разными способами собирают законное число подписей. Так нередко в некоторых юртах (станции Чернышевской и др. – С. К.) по спискам право голоса имеют 1 500 человек, а на сбор является лишь 400. Причиной неявки является дальность расстояния и слишком малый интерес к делу. Приходится выгонять людей на сходы, потому что всякий уклоняется от поездок на них, довольно обременительных. Встречаешь станичника, едущего со схода, и спрашиваешь: “а что, станичник, было на сходе?”. Станичник махнет рукой, пошлет сход этот ко всем... и скажет: “не составил сход, положили на следующее воскресенье – ишь как теперь стало: переключку сделал атаман и говорит: 1 200 голосов, а 300 недостает; и вот проездил два дня напрасно”. И так случается очень часто; редко когда сход составится в один раз» [22, с. 289–290].

«Казаки неохотно собираются на общественные сходы для обсуждения общественных дел, и по неоднократному вызову станичных правлений сходы не составляются, ибо не достает законного числа голосов. Если и соберут сход, то только шум и гам, а результата нет» [9].

«Это обстоятельство навело некоторых на мысль предложить такую меру: на станичный сбор посылать с хуторов по одному депутату от каждых десяти дворов с тем, чтобы на следующий сход был выбран новый депутат. Однако казаки недовольны и этой мерой. Из Хоперского округа пишут, что новый закон о составе станичных сходов и о порядке разрешения подведомственных им дел – по станицам местной окружной администрацией по-прежнему встречается не сочувственно. Как станичные, так и хуторские общества по-прежнему решительно отказываются приступить к выбору своих представителей (одного с 10 дворов)» [22, с. 290].

Не смогло изменить ситуацию и Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 года.

Дело в том, что в соответствии со статьями 548, 549 данного Положения на станичных сборах присутствовали не все казаки-домохозяева, имеющие право голоса. Был установлен следующий порядок: свыше 300 дво-

ров – по одному на каждые 10 дворов; свыше 100, но менее 1 000 дворов – не более 100 выборных; свыше 1 000 дворов – не менее 100 выборных [16, с. 89].

В то же время после введения в действие Положения 1891 г. в некоторых станицах пытались решить проблему неявки казаков на станичные сборы путем выработки новых норм обычного права, в основе которых лежали все те же традиционные нормы обычного права, которые ранее регулировали совершенно иные общественные отношения:

«Статья 15 Положения об общественном управлении станиц казачьих войск гласит, что выборные, уклонившиеся от присутствия на сборе без особо уважительных причин, подвергаются денежному в пользу станичных доходов взысканию, назначаемому сбором, в размере от 20 копеек до 1 рубля. В некоторых станицах области, где население более или менее проникнуто сознанием важности общественных дел, выборные, без всякой инициативы атамана, в предупреждение манкировок, составляют приговоры о наложении того или иного взыскания на нерадивых; в других же станицах, с населением более культурным, этим правом сходы, за отсутствием в том нужды, и совсем не пользуются. Но в нашей станице (станции Гниловской. – С. К.) неявка на сход выборных стала обычным явлением. Вновь избранный на текущее трехлетие атаман согник Суржин неоднократно объяснял выборным о том вреде, какой наносится обществу подобного рода неявками, и уговаривал выборных составить приговор, который так или иначе заставлял бы их являться исправно на станичные сборы, но выборные всякий раз отклоняли этот вопрос, высказывая, что исправная явка на сходы скорее всего будет зависеть от того, будут или нет платить им, как прежде. Нужно сказать, что в прежние годы выборные нашей станицы получали за присутствие на сходах плату из общественных сумм, устанавливая ее взаимным между собою соглашением, – в настоящее же время такая плата воспрещена окружным начальником и выборные принуждены являться на сходы за свой счет. ...В нашей области есть много таких станиц, где большинство выборных живет в хуторах, удаленных от станичных правлений на шестьдесят и семьдесят верст, и, однако, там не практикуется никакой выдачи на пополнение расходов по явке выборных, да и самим законом такая плата не предусмотрена» [17].

Таким образом, с одной стороны, процесс выработки новых норм обычного права носил волевой, осознанный характер, а с другой – имен-

но он, несмотря на традиционность и, казалось бы, строгую predeterminedность того, как следует поступать в конкретной ситуации, допускал свободу выбора вариантов поведения. Все зависело от воли большинства членов донской казачьей общины и ее закрепления в виде приговоров станичных и хуторских сходов.

Например, вот как пытались решить проблему неявки на станичные сходы в станице Нижне-Курмоярской:

«1839 года мая 14 дня Войска Донского Нижне-Курмоярское станичное общество на полном собрании имело суждение, что в протекшие 3-х летие замечено: многие из граждан здешних, живущие в хуторах, да и в самой станице, не являются первые вовремя к общему станичному суждению в станицу, а последние по приглашению на самый сбор вовсе не ходили, почему с некоторых хотя и взыскивается штраф, но другие оставались без взыскания. А потому о сем жителей предьявить, что в наступающем 3-х летии штраф сей с таковых ослушников взыскиваться будет без уважения» [3].

Подобные попытки предпринимались в донских казачьих общинах и во второй половине XIX века:

«Граждане Распопинской станицы приговором от 1 октября 1872 года определили: так как многие из граждан наших часто не исполняют законных требований станичного правления и не являются в известное место по требованию его, а станичные правители за это подвергаются выговорам от установленных за ними властей и ответственности, то чтобы искоренить это, станичному правлению штрафовать каждого гражданина за первую неявку или первое неисполнение предписания 1 руб. сер., за вторую, третью и далее – от 2-х до 3-х руб. сер. Второму и третьему нарочному, посылаемым за ослушниками, эти последние платить должны прогоны, по 3 коп. за каждую версту. Кто не будет отдавать денег этих, с тех выручать их через продажу движимого их имущества. В настоящее время (в 1878 году. – С. К.) некоторые из граждан жалуются, что у них на основании этого приговора за неявку в станичный сход продают баранов, овец и др.» [21].

В связи с этим можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что донские казачьи общины применяли к нарушителям дисциплины не те санкции, которые были предписаны за данные правонарушения официальным законодательством, а санкционировали

применение своих традиционных обычаев, в частности «обычая обдирания» должников.

Так было и в XVIII веке:

«В 1728 году марта 9 дня городским станицам отдан был приказ Войска Донского и господина войскового атамана Андрея Ивановича – о взыскании с ослушных старшин, бывших станичных атаманов и казаков, кои по закличке на станичные сборы не являются и отговариваются домашними делами, за каждую прогулку со старшин и бывших станичных атаманов по 1 рублю, а с рядовых казаков без всякого милосердия и пощады» [10, с. 175].

«В прошлое столетие (в XVIII веке. – С. К.) все казаки (станицы Гундоровской. – С. К.), имеющие право голоса, должны непременно явиться на сбор (сход. – С. К.). На тех же, которые не являлись, не выставивши законных причин своей неявки, налагался штраф, по преимуществу денежный, который, впрочем, редко выполнялся» [6].

В этот период времени наблюдалось и сочетание различных мер ответственности, применявшихся к казакам, которые не являлись на станичные сборы (сходы). В частности, в Выписи из прихода-расходной книги Средней станицы было записано следующее:

«1760 года мая 9-го дня был станичный сбор. На оном собрании был станичный атаман и старшина Макей Федотов и старшины Иван Макеев, Козьма Сидоров, Василий Афанасьев и казаки Иван Красноштанов, Василий Мансуров, Денис Рубцов и прочие казаки. Приговорили на оном собрании, чтобы на сбор ходили и на работу, а ежели который казак на сбор и на работу не выйдет, то взять с него 10 коп., да сверх того посадить его под полку (в станичную тюрьму. – С. К.), а за работу взять почем закличка будет» [19, с. 144].

Могла применяться и одна мера ответственности, но опять же не в виде денежного штрафа, предусмотренного в качестве единственного наказания донских казаков за неявку их на сбор (сход) официальным законодательством. Так, например, происходило в XVIII в. в станице Верхне-Курмоярской:

«Сбор собирался по закличке. Сбор есть собрание наличных в станичную избу. Закличка произносится по улицам станицы от есаула станичным голосом, то есть резким, протяжным есаульским: атаманы-молодцы, вся честная станица Курмоярская! Сходитесь на беседу! (или закликает в станич-

ную избу, или на майдан) ради станичного дела! (или войсковую грамоту слушать), а кто не придет, на том станичный приговор осьмуха! то есть, взят будет штраф осьмуха сиухи напоем, а осьмухоу называли у нас третник ведра» [8, с. 20].

В связи со всем вышесказанным нет ничего удивительного в том, что во второй половине XIX в. организация и деятельность станичных сходов у донских казаков регулировались различными нормами обычного права:

«Атаман посылает “есаульца” или, что то же, полицейского, делать “закличку”. В станице “закличка” бывает или накануне сбора, причем есаулец ходит с вечера по станице и кричит: “господа, честная станица, завтра будет станичный сбор, не расходитесь, не разъезжайтесь” (в Мариинской станице); или же закличка производится по утру в тот же день; есаулец ходит по станице и кричит: “господа, честное общество, пожалуйста на станичный сход”. В хутора станичный атаман пишет “приказы” (повестки) к поселковым атаманам, в которых говорится о времени сбора и о предметах, назначенных для обсуждения. Поселковый же атаман оповещает каждый двор. В некоторых станицах, например в Тишанской, в весьма экстренных случаях, во время полевых работ, посылается, по старинному обычаю и ныне (в 70-е гг. XIX в. – С. К.) по полям нарочный казак со станичным знаменем, и все казаки, завидев его, бросают работы и спешат в станицу» [22, с. 288].

«Посылка нарочных с станичными знаменами по полям и хуторам для созыва в экстренных случаях на станичный сбор, а равно при получении наряда казаков на службу, в некоторых из хоперских станиц продолжалась еще в 40-х годах текущего столетия (XIX века. – С. К.). Станичные знамена (значки из шелковой материи) постоянно хранились в станичном правлении. Впоследствии этот порядок созыва был заменен посылкою в хутора приказов от станичного правления» [8, с. 59].

Ранее, в XVIII в., посылка стариков со знаменами по полям преследовала совершенно иные цели:

«Полевые и сенокосные работы отправлялись всюю станицею в одних местах и в одно время при воинском оружии, под прикрытием дневнощных разъездов, потому что татары и калмыки нечаянно нападали, грабили и убивали. Во время важной опасности посылаемы бывали из станицы старики со знаменами по полям и по покосам. Тогда жнецы

и косцы обоего пола, увидевши знамя, бросали работу, сбегались в городок...» [8, с. 26].

Не меньший интерес представляет сам процесс проведения станичных сходов и принятия решений по различным вопросам, касающимся жизнедеятельности донских казачьих общин. Во второй половине XIX в. на станичные сходы собирались обычно казаки-домохозяева или же кто-нибудь из их сыновей или братьев. Только они имели право голоса на сходе. Остальные члены семьи могли присутствовать на сходе и слушать, о чем там говорят, но подавать голоса (голосовать криком. – С. К.) не имели права. Если управляла домом мать-вдова, то на сход обычно ходил старший сын. Случалось, что казак-домохозяин посылал на станичный сход свою жену, чтобы послушать, о чем там говорят, или поклониться обществу и попросить «какую-нибудь милость» [22, с. 288]. Председательствовал на станичном сходе станичный атаман. Чаще всего он предварительно составлял список вопросов, подлежащих обсуждению, и предлагал их обществу один за другим. Выслушав атамана, казаки начинали вдруг говорить все сразу, из-за чего поднимался страшный шум, в котором невозможно было ничего разобрать. Говорили все, и старые, и молодые казаки, без всякой очереди. Если, по мнению станичного атамана, какой-либо вопрос был уже достаточно обсужден, то он заставлял есаульца звонить в колокольчик, чтобы прекратить обсуждение. Решение принималось большинством голосов [там же, с. 288–289].

Именно наличие некоторых общих правил поведения, регулирующих порядок проведения станичных и хуторских сходов и принятия решений на них, как раз и позволяет нам показать те изменения, которые происходили в обычно-правовом регулировании деятельности указанных сходов во второй половине XIX века:

«Много жалуются казаки и на беспорядок во время самих собраний. Атаманы и писаря жалуются, что на сходах их мало слушают и мешают правильно вести обсуждение дел. Простые казаки жалуются на то, что ныне мало стали почитать старших. Прежде старикам всегда давали право высказывать свое мнение вперед остальных – их все с

почтением слушали. Ныне же у кого голос сильный, тот и на сборе первый. Молодежь теснит совсем стариков так, что те иной раз посмотрят, посмотрят, да и отойдут к сторонке. Безобразия много тут творятся» [22, с. 291–292].

«... Побывавши на сходе, будешь целую неделю чувствовать головную боль, а то, пожалуй, – сход отзовется и на боках... Не раз нам (один из очевидцев. – С. К.) приходилось бывать на сходах станицы Луганской. Более одной тысячи народа. Если атаман сделает доклад сходу о чем-нибудь интересном для станичников, то тут такой подымается шум и крик, что хоть затыкай уши и уходи! Кричат все, а суть-то предложенного вопроса или доклада понимают только вблизи стоящие ораторы – самые бойцы; и вот эти-то ораторы кричат, тому остальные вторят; даже в ущерб делу или своим интересам» [там же].

«Часто хитрые эксплуататоры умеют склонить на свою сторону общество и потом всевозможными средствами с их же общественного согласия вытягивают у них последние соки. Больше всех, – сообщали мне (М.Н. Харузину. – С. К.) казаки в разных местностях, – говорят на сборах “чиновники” и офицеры, живущие в станицах, но к словам их относятся с большой осторожностью, так как заметили, что они часто говорят не в интересах общества. Больше всего дают себя чувствовать на сборе крикуны, от которых можно ожидать даже и оскорбления. Действительно, ... в силу своих традиций, казак хорошо понимает свое право на сходе и пользуется этим правом без ограничения, даже сплошь и рядом в ущерб законности и порядка. Так в некоторых станицах случается изгнание граждан со схода за то только, что они осмеливаются проводить какую-нибудь новую мысль, несогласную с убеждением большинства крикунов. Иванов, например, кричит из толпы: “Захарова долгой со схода”. Достаточно повторить это требование хотя бы одному из толпы, как сосед Захарова Разухабов, под предлогом якобы исполнения желания схода, берет Захарова за руку и указывает на дверь» [там же].

«В сходах ясно виден отголосок буйных кругов старины и самого корня кругов – народного вече. Так, например, на сходах у нас и теперь (в конце 70-х гг. XIX в. – С. К.) дело часто доходит до кулачной расправы, и благодаря только духу времени неприязненные чувства противников изъясняются ввиду крупных выражений, имеющих, однако, значение полновесного удара кулака» [4].

Приведенный нами материал свидетельствует о том, что решающую роль на станич-

ных сходах стали играть не старики, а так называемые «крикуны», к которым стал обращаться проситель, чтобы не только быть услышанным на сходе, но и добиться желаемого для него результата. За это он должен был выставить магарыч, то есть определенное количество водки. Отсюда, на наш взгляд, и возникла известная на Дону во второй половине XIX в. поговорка: «Без магарычей нет у донца и речей». Это еще один из примеров, свидетельствующий о том, что новые нормы обычного права у донских казаков всегда вырабатывались на основе традиционных норм, причем независимо от того, в каких целях ранее применялись эти нормы и для регулирования какой части общественных отношений:

«Поездка с хуторов на сходы в станицу исполняется с крайним нежеланием, насильно, и многим служит тяжким наказанием, в особенности если сход бывает в будничные дни. По приезде с хуторов имеющие просьбы к сходу магарычат известных уже крикунов и просят постоять за них, а как просителей бывает много, то и магарычей тоже бывает чрезвычайно изобильно, так что крикуны являются на сход уже презрительно хлебнувши. В начале дела и в конце все магарычи до того вошли в обыкновение, что проситель, подавая о чем-либо заявление на сход, в конце его, не стесняясь, присовокупляет, что “в благодарность обществу за удовлетворение его просьбы покупает ему два, три, пять ведер водки”. Далее станичным атаманом делается доклад дел, подлежащих решению схода, поднимается страшный шум “не надо”, “в добрый час” до тех пор, покуда большинство голосов станет надсаживаться над одним из означенных выражений и перекричит меньшинство, заставив его замолчать или присоединиться к нему (большинству) [4].

Выставление магарычей в этот период времени получило широкое распространение и в других сферах деятельности:

«... Чтобы старинный обычай не выдавать никаких справок и свидетельств без “магарыча” был уничтожен» [18].

«... В другой станице поселковым атаманом было донесено начальству, что станичные судьи, пьянствуя на счет тяжущихся сторон, производят суд и решают дела в питейных заведениях. С другой стороны, станичные судьи, не понимающие специализации своих обязанностей, принимают на себя полицейско-административные обязанности,

обнаруживая их преимущественно тем, что отправляют из питейных заведений под арест разных лиц, в чем-либо не сошедшихся с мнением судей или уклоняющихся от угощения. ... С лишением права принимать станичными судьями жалобы вне суда устранились бы, может быть, некоторые злоупотребления; к таким же последствиям повело бы и уничтожение обычая – решать дела в питейных заведениях» [23].

В старину все вышеперечисленные вопросы регулировались несколько иначе:

«...Здесь же (на майдане. – С. К.) творили суд и расправу, так что всякий обиженный, ищущий правосудия, шел в станичный дом и здесь находил собрание стариков, к которым обращался с своей жалобой и получал удовлетворение. Активное участие в решении судебных дел и обсуждении различных вопросов принимали только старики; они только могли трактовать о делах, молодые же должны были стоять сзади и слушать, о чем говорят старики, отнюдь не позволяя себе ни говорить, ни делать своих замечаний» [7, с. 110–111].

Так было в XVIII в. и в станице Верхне-Курмоярской:

«На сборе во время суждения обыкновенный шум и крик от того, что всяк свое между собою говорит и всякий кричит о своем мнении к первому месту. Проситель выходит на среду, кланяется в землю на все четыре стороны, подходит потом к атаману, рассказывает о существе своего прошения; старики внимают. Атаман, выслушавши, приказывает есаулу: есаул, доложи, или сделай доклад, или вели помолчать, или есаул, помолчи! Сии изречения значат одно и то же, чтоб он укротил шум. Есаул кричит станичным голосом: атаманы-молодцы, вся честная станица Курмоярская! Помолчите! Возвышает трость, бьет об матицу и приговаривает: помолчите-ста, атаманы-молодцы! Помолчите-ста! Тишина, при шепоте не договоривших свои материи. Атаман встает и докладывает. Помолчите, атаманы-молодцы! Тишина. – Вот Аксен Пахомович просит о том-то. Что скажете? Дать или не дать? Решается от народа голосами ко удовлетворению: в добрый час! В добрый час! А к отказу: не дать! За что? Таким же образом и обвиняемому среди сбора прикажет атаман сперва кланяться, а после с доклада спрашивает решения от черни: вот, честная станица! Старики присудили наказать его плетью за то-то! Как прикажете? Простить ли его или выстегать? Равномерно всякий штраф и всякое удовлетворение зависело от доклада и слов от черни: в добрый час! или не надо! Впрочем, ежели старики

какую-либо материю почтут нестоящею уважения, атаман, без позволения их, доклада учинить не мог, отчего вышла пословица: атаман не волен и в докладе» [8, с. 21–22].

Что касается второй половины XIX в., то необходимо, по нашему мнению, разделять между собой вопрос о социальном статусе стариков в семье и в донской казачьей общине и вопрос о роли и значении стариков во время проведения станичных сходов. С одной стороны, в некоторых донских казачьих общинах вырабатываются новые нормы обычного права, которые уравнивают права стариков и молодых казаков на станичных сходах, как это было в 1880 г. в станице Усть-Медведицкой:

«...Отчего же все вы, такие же старички, как и ты, на станичных ваших сходах не настаиваете, чтобы поунять от своевольтва молодежь казаков? “Да, легко это сказать, сударь, а поди-ка на сход да скажи что-нибудь про своевольтво молодежи, то как раз эта молодежь тебя и со сбора сведет. Настало, значит, такое плохое время, сударь, что нам, старикам, и места нет на сходах. Ваше место, старики, – говорит нам молодежь, – на печке в теплой хате» [5].

С другой стороны, это вовсе не свидетельствует об утрате стариками почета и уважения со стороны молодежи. В повседневной, обыденной жизни старики по-прежнему играли ведущую роль. К тому же приведенные выше новые нормы обычного права могли санкционироваться к применению в указанный период времени не во всех донских казачьих общинах. Например, такие возгласы казаков, как «любо» или «нелюбо», завершающие обсуждение какого-либо вопроса на станичных сходах, в рассмотренных нами материалах нигде не указаны. Но это вовсе не означает, что их применение не могло быть санкционировано в каких-либо станицах и хуторах, тем более что они были такими же традиционными для донских казаков, как и возгласы «в добрый час» и «не надо».

Итак, проведенная нами детальная реконструкция формирования и деятельности органов территориального общественного самоуправления у донских казаков во второй половине XIX в. позволяет сделать вывод о том, что несмотря на давление со стороны официального законодательства, донские казаки не делали различий между частно-правовыми и публично-правовыми отношениями

и полностью распространяли действующий у них в этот период времени механизм обычно-правового регулирования на эту часть общественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выбор станичного атамана в станице К...й // Донские войсковые ведомости. – 1871. – № 3.
2. Выборы атамана // Казачий вестник. – 1913. – № 34.
3. ГАРО. – Ф. 338. – Оп. 4. – Д. 272. – Л. 36.
4. И.П. Из станицы // Донские областные ведомости. – 1879. – № 39.
5. Из Усть-Медведицы // Донские областные ведомости. – 1880. – № 36.
6. Историко-статистическое описание Гундоровской станицы Области войска Донского // Донской голос. – 1880. – № 99.
7. Казмин, А. Обычные суды в хуторах Донской области / А. Казмин // Этнографическое обозрение. – 1891. – № 3. – Кн. X.
8. Кательников, Е. Исторические сведения Войска Донского о Верхнекурмоярской станице, составленное из сказаний старожилы и собственных примечаний, 1818 года, декабрь 31 дня / Е. Кательников. – Новочеркасск, 1886.
9. Киевский И. Наши станичные общества / И. Киевский // Донская газета. – 1876. – № 38.
10. Кириллов, А. А. Станичное право на Дону / А. А. Кириллов // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – 1908. – Вып. 8.
11. Краснов, С. Ю. Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX века (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Ю. Краснов. – Волгоград, 2003. – 29 с.
12. Леонов, А. О донских пословицах и поговорках / А. Леонов // Донские войсковые ведомости. – 1855. – № 15.

13. Положение об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г. // Памятная книжка Кубанской области на 1874 г. – Екатеринодар, 1873.

14. Положение об общественном управлении станиц казачьих войск от 3 июня 1891 года // Сборник узаконенный и распоряжений Правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Области Войска Донского, об их управлении и о поземельном устройстве / сост. А. Ф. Мишарев. – Изд. второе, испр. и доп. по узаконениям, обнародованным по 1912 г. – Новочеркасск, 1913.

15. Положение об управлении Донского войска от 26 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской Империи. – Сб. 2. – Т. 10. – Д. 8163.

16. Сборник узаконенный и распоряжений Правительства о правах и обязанностях обывателей станиц Области Войска Донского, об их управлении и о поземельном устройстве / сост. А. Ф. Мишарев. – Изд. 2-е, испр. и доп. по узаконениям, обнародованным по 1912 г. – Новочеркасск, 1913.

17. Станица Гниловская (Ростовский округ) // Приазовский край. – 1898. – № 195.

18. Станица Нижне-Кундрюческая // Донской голос. – 1881. – № 40.

19. Сулин, И. Акты, относящиеся к бытовой истории донских казаков / И. Сулин // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. – Новочеркасск, 1904. – Вып. 4.

20. Тимощенко, И. Из Казанской станицы / И. Тимощенко // Донские областные ведомости. – 1873. – № 6, 48.

21. Тимощенко, И. Усть-Медведицкая станица и прилегающие к ней местности / И. Тимощенко // Донская газета. – 1878. – № 46.

22. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону : материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М., 1885. – Вып. 1.

23. Юрепин, А. Заметки о станичном управлении / А. Юрепин // Донские областные ведомости. – 1878. – № 27.

FUNCTIONING OF THE ORGANS OF THE TERRITORIAL SOCIAL SELF-GOVERNMENT IN THE CUSTOMARY LAW OF THE AREA OF THE DON ARMY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

S. Yu. Krasnov

The article deals with the scientific analysis of the questions related with customary law regulating and functioning of the organs of the territorial social self-government in the stanitsas and khutors of the area of the Don army in the second half of the XIX century. The above mentioned questions have never been the subject of scientific research either in historical and ethnological or historical and legal sciences.

Key words: customary law, Don Cossacks, organs of the territorial social self-government.